

«Есть такая категория людей — стремительные. Они мгновенно принимают решения, быстро живут, в спешке ошибаются и моментально делают обязательную «работу над ошибками». Скорости их жизни многие завидуют, их опыт интересен и поучителен, он вдохновляет. Но повторять его не рекомендуется — для этого требуется особый склад характера».

От автора

Из города к морю вели две дороги. Они тянулись к сосновым дюнам, песчаному светлому берегу и сизой воде. Она, эта стихия, могла быть и кротко журчащей, и беспощадно вздыбленной. Впервые Женя Пчелинцева увидела море в штиль, в тот момент, когда волна, словно тоненькая серебряная цепочка, тихо извивалась вдоль берега. Женя постояла на вершине дюны, вдохнула запах нагретой смолы, потом сбегала вниз, запинаясь ногами в прохладном песке. По дороге она скинула туфли и теперь, не раздумывая, ступила в воду. Вода оказалась холодной. Женя отступила. Контраст между палящим солнцем и ледяной водой был удивительным. «Да, попла-

Босиком по краю моря

вать не получится!» — подумала она и устроилась на песке.

Вокруг почти никого не было. Только вдалеке семья с собакой, на дюнах загорающий парень и у края моря дед, ворошащий палкой прибитые к берегу водоросли. «Ищет янтарь!» — подумала Женя. Было тихо, только слабый гул воды и крики чаек. Женя внимательно присмотрелась и заметила на горизонте кораблик. «Кто-то куда-то плывет. В новые земли, к новым людям. А я уже приехала. Теперь буду здесь жить, — вздохнула Женя и тут же себя поправила: — Постараюсь здесь жить».

Жене Пчелинцевой было двадцать восемь лет. В город Дивноморск она приехала работать. Несколько месяцев назад ей позвонил руководитель ее диплома и сказал следующее:

— Пчелинцева, как вы знаете, я вас терпеть не могу. И только отлично выполненная вами дипломная работа как-то примирила меня с вашей полной анархией, помноженной на невиданное упрямство и несдержанность. Редкое сочетание...

Женя, все это слушая, улыбалась. Профессор Суржиков ее не любил, это верно. При этом Пчелинцева чувствовала, что в этой нелюбви было больше педагогического протеста против студенческого своеволия, а не чего-то личного. Жене даже иногда казалось, что профессору нравятся ее поступки, он их одобряет, но не может этого показать в силу профессиональной этики. Действительно, если одобрить участие своей

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

студентки в университетском эротическо-политическом календаре, то что же будет?! Все побегут сниматься нагишом с плакатами в руках. При этом Суржиков видел, что Пчелинцева и лозунг умный себе придумала, и вид имела почти целомудренный, хотя и были на ней только высоченные «шпильки». Еще Женя помнила свой доклад о деятелях французской буржуазной революции и собственные смелые рассуждения о ее влиянии на русскую интеллигенцию. «Да не было никакой такой интеллигенции! — бросила тогда Женя. — Нельзя считать, что мизерные проценты от всего населения крестьянской России — это интеллигенция! Ах, если бы у нас состоялась настоящая буржуазная революция! Если бы мы прошли этот путь целиком! Вот тогда была бы страна!» Пчелинцева помнила, как эта ее фраза вызвала бурю эмоций у однокурсников. Кто-то стал что-то доказывать, но Женя коротко и пренебрежительно парировала, не вдаваясь в долгие объяснения. Все, что хотела, она уже сказала и была горда собой. Позднее Суржиков вызвал Женю на разговор, но, к ее удивлению, не сделал замечание по сути, а только произнес:

— Когда полемизируете, старайтесь быть вежливой. Сегодняшний диспут приобрел оттенок базара. И только благодаря вам.

— Но что с ними спорить, они же меня даже не понимают!!! — воскликнула Женя.

Суржиков резко к ней повернулся:

— Ваша точка зрения — это не открытие Америки. Очень многие так думают. Я бы сказал, что это распространённое мнение.

Босиком по краю моря

— Что же вы меня не остановили? — фыркнула Женя.

— Мне надо было посмотреть, кто из слушателей выскажет что-нибудь оригинальное.

Пчелинцева осеклась — она вдруг поняла, что интересны были не ее высказывания, а те, кто ее слушал. Она же стала просто частью исследовательского механизма. Как лампочка в опытах Павлова. Расстались они с профессором Суржиковым сурово. Женя считала, что руководитель необъективно оценил ее дипломную работу. Конечно, он поставил ей «отлично», но это было формальное признание, а Жене хотелось, чтобы при обсуждении Вадим Леонидович произнес что-то типа: «Ваша точка зрения необычна. Но вы меня убедили. Я не соглашался с вами, но ваши рассуждения заставили меня пересмотреть свою позицию». Но нет, Суржиков поставил «отлично», ничего не приписал, на словах ничего не сказал. Словно не было двухгодичной полемики относительно того, как глобальная интернет-сеть влияет на телевидение и каковы в этой ситуации перспективы развития обратной связи с потребителем информации. Именно так, несколько громоздко, была обозначена тема Жениной дипломной работы. Кто-то ей сказал, что тема вполне тянет на диссертацию, Пчелинцева загордилась и ждала похвалы от Суржикова. Но он, как было уже сказано, промолчал. После окончания университета Женя работала в одной из компаний, которая производила продукцию для телеканалов — документальные и просветительского толка фильмы и

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

передачи. Работа ей нравилась — вернее, ей полюбилась свобода, которая наступила после университетской гонки. Ведь еще студенткой она подрабатывала. А, учитывая, что ей надо было обязательно получать повышенную стипендию, часов в сутках не хватало. На работе появилось время для отдыха, а затем и для спокойного дополнительного заработка. Через год после начала работы Женя поняла, что карьерного роста не будет. Она как-то заглянула в университет на кафедру и, встретив там Суржикова, обмолвилась:

— Ищу работу. С перспективой.

Она сказала это просто так. Без всякого умысла. И вот спустя много месяцев раздался этот звонок. Ее бывший преподаватель предлагал ей работу:

— Так вот, повторюсь, ваша точка зрения на многие профессиональные аспекты мне не близка. Но вы умны и умеете трудиться. А еще мой бывший выпускник нуждается в своей команде. Настоящей команде. Поэтому я рекомендовал ему вас. Мой совет, не поленитесь, поезжайте на встречу. Переговорите с ним. Вдруг это то, что вам надо... Если, конечно, еще ничего стоящего не нашли.

— Вадим Леонидович, — у Пчелинцевой даже голос сел, — спасибо... Конечно, я поеду, скажите только, куда? Адрес?

— А, адрес? — Что-то новое появилось в интонации Суржикова. — Адрес простой. Город Дивноморск, Липовый бульвар, дом 15.

— Простите? — растерялась Женя.

Босиком по краю моря

— Да, да, это не Москва. Это город Дивноморск. Когда люди называли его так, они не ввали. Дивный город и прекрасное море. И край исторический. Эти земли раньше принадлежали...

— Я знаю, — с досадой, невежливо перебила его Женья, — но это же из Москвы надо уехать?

— Боюсь, работать на местном телевидении и жить в Москве у вас не получится. А вы не представляете, как это меняет положение вещей. И еще. Там создается новая структура. Серьезная и перспективная в государственном масштабе. Как известно, лучше всего карьеру строить или на закате, или на рассвете. Фигурально выражаясь, понятное дело... Еще раз советую — не пренебрегайте. Там не Москва, но и жизнь там не столичная. Совсем другая. Со своими прелестями. И со своими проблемами. Но там есть море.

В голосе Суржикова послышалась тоска.

— А вы бы на моем месте поехали? — вдруг спросила Женья.

— Побежал бы. Пешком, за вагоном, — не задумываясь, сказал Вадим Леонидович.

— А может, вам...

— Не смешите меня, — сухо ответил Суржиков, — куда я поеду?! У меня кафедра, ученый совет, диссертанты, нет времени статью написать...

— Жаль, — искренне сказала Пчелинцева и вдруг ощутила прилив радости. У нее не было кафедры и ученого совета, она могла поехать хоть на край земли.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Вот прямо сейчас, сию минуту, как только закончит разговор с профессором.

— Я согласна. И я выезжаю на встречу. Диктуйте контактные телефоны.

Через пять дней Женя прилетела в Дивноморск. Три часа у нее ушло на все переговоры, знакомства и уточнение деталей. Вечером она вернулась в Москву, в сумке у нее лежал договор — ее брали на работу во вновь создающуюся структуру Центрального телевидения. Это структура, которую все называли Агентство, должна была вещать на западный регион и базировалась в Дивноморске. Она позвонила Суржикову:

— Вадим Леонидович, спасибо вам. Меня берут, и договор у меня на руках. Я даже не знаю, как вас благодарить!

— Не благодарите. Как-нибудь привезете мне копченого угря. Только там они такие вкусные...

— Господи, да если бы знала, да я бы сегодня...

— Пчелинцева, успокойтесь. Я пошутил. Ничего не надо. Даже угря. Я там бываю иногда, по делам. Сам все покупаю. Удачи!

Женя попрощалась со смешанным чувством — это была благодарность, признательность, уважение. И что-то еще, похожее на отношение к родителям — теплое, щемящее. «Он же совсем не старый. Он самый молодой профессор на три крупнейших университета. Об этом все говорили. Он же такой умный, интересный, энергичный... Почему же мне его жаль?..» — думала она.

Босиком по краю моря

Родители ее отъездом были огорчены. Женя знала, что с ними предстоит сложный разговор — они всегда очень гордились дочерью, сделали на нее ставку, и объяснить им, почему она должна ехать работать в Дивноморск, будет несложно. Но то, что они будут тосковать и волноваться, было очевидно.

Мать Жени, Татьяна Владимировна, заведовала почтовым отделением в Центральном округе Москвы. Образование у нее было высшее педагогическое, но в девяностые работать в школе стало невозможно — уроки срывали потерявшие берега великовозрастные ученики, платили мало, и решено было, что будет лучше, если она большую часть времени станет уделять воспитанию дочери. Но денег не хватало, и работать все же пришлось — рано утром и вечером Татьяна Владимировна ходила сортировать корреспонденцию. В те времена и почта работала отвлратно, но люди все равно писали письма и отправляли посылки. Работала Татьяна Владимировна хорошо, как-то незаметно стала сотрудником незаметным и в конце концов получила пост начальника.

Ни тогда, когда она, педагог-математик, уходила из школы, ни позже, когда в перчатках-митенках без пальцев швыряла посылки, ни заняв тесный кабинетик в своем отделении связи, Татьяна Владимировна ни на минуту не забывала своей главной цели — воспитать дочь самостоятельной, умной и дать ей самое лучшее образование. Все усилия семьи были направлены на это.

Отец Жени, Илья Петрович, был слесарем. Как по-тому шутили в семье, он работал, как «Гоша (он же — Го-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

га)», в физическом институте на Ленинском проспекте. Он как раз был тем, без кого ни одна диссертация не состоялась бы, поскольку установки и опытные приборы ваялись в институтских мастерских. С появлением фильма «Москва слезам не верит» специализация Ильи Петровича получила невероятную статусность и признание далекой от научно-исследовательских реалий публики. При всей своей занятости и некоторой отстраненности от педагогических процессов, Илья Петрович всецело поддерживал жену в ее движении к цели.

— Дочь, — как-то сказал он Жене-восьмикласснице, — я насмотрелся на ученых людей. По-разному науку делают, по-разному живут. Но одно могу сказать: без этого человек — не человек. Так, калека. Поэтому все побоку, и в университет. Хочешь математиком, хочешь историком. Занимайся тем, к чему душа лежит, но образование высшее должно быть, и заниматься в университете надо на отлично.

Женя родительские установки приняла безоговорочно.

— Папа, я пойду на факультет журналистики, — сказала она отцу.

Илья Петрович охнул про себя — газет в прошлом их понимании уже не было, журналы читать было нельзя.

— Папа, я хочу телевизионным журналистом быть. На телевидении работать, — упрямо сказала Женя.

— Ах, ну, это другое дело! — как бы с облегчением выдохнул Илья Петрович и тут же добавил: — А может, все-таки врачом? Всегда будет работа...

Босиком по краю моря

— Папа, я не хочу быть врачом. И не буду.

— Что же это за профессия — журналист?

— Отличная профессия — формирует общественное мнение и действует на умы людей, — отбарабанила Женя.

— Ну, если на умы... — развел руками отец.

«А что, дочка красавицей становится, почему бы и не телевидение? — подумал он. — Лишь бы не выскочила замуж раньше времени, главное — учеба и профессия. Тем более ее не переспорить».

А Женя Пчелинцева тем временем сходила к логопеду, пожаловалась на плохое произношение звуков «л» и «в», получила рекомендации, а затем записалась на курсы по постановке дикции. «Уж если работать, то качественно, чтобы без каши во рту», — думала она. Кстати, это был очень дальновидный шаг — в качестве подработки два раза в неделю Женя вела малюсенькую передачу на одной из радиостанций. Ее голос уже знали — дикция была совершенно безупречной, стиль разговора свободный, уверенный.

Теперь, когда Женя сообщила о своем решении уехать в Дивноморск, дома случилась ссора.

— Как можно уезжать из Москвы?! — воскликнула мать. — В самом начале карьеры?! Когда все закладывается — опыт, практика, знакомства, связи... Как это можно себе позволить? Ты же себя лет на пять назад отбросишь. Твое место в Москве займут те, кто из этого самого Дивноморска сюда стремится.

— Дочка, я тебя понимаю, там ты принцессой будешь. Из Москвы, после университета, там легко

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

принцессой стать. Но короли и королевы сидят в столицах! Ты что же, потом приедешь и будешь все заново начинать? Ты сама посуди! — вторил отец. — Но, конечно, ты взрослый человек, тебе виднее, — мудро заметил он, зная донельзя упрямый характер дочери.

Женя впервые за все время задумалась — родители посмотрели на проблему с самой простой житейской стороны. Их опасения имели под собой почву. Пчелинцева вдруг представила, как она, отработав лет пять, возвращается в Москву. А в Москве свои «расклады», здесь ее не будут ждать, как сейчас в Дивноморске. «Что же делать? С одной стороны, мне хочется уехать. Вообще все бросить и уехать. Чтобы все другое — город, улицы, люди и отношения. Говорят, что после Питера и Москвы в других городах жить невозможно. Но мне совсем немного лет, чтобы отказываться от такого опыта. Когда еще, как не теперь?! Или буду я сидеть в теперешней своей конторе в этой же должности еще лет пять. Или буду прыгать с места на место в надежде, что меня когда-нибудь допустят в эфир. Господи, как же хочется попробовать совсем другого», — думала она, ворочаясь в постели.

Наутро она встала с готовым решением.

— Ну, что, Женечка, подумала обо всем? — ласково спросила мать, глядя на спокойное лицо дочери.

— Да, мама, сегодня куплю билеты. Думаю, что недели мне на сборы хватит. На работе меня оформят переводом. Ни дня ни потеряю. — ответила Женя.